

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Стыкалин А. С.

Судьба одного университета в контексте изменения границ в Средней Европе (Коложвар — Клуж — Сегед)

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Судьба одного университета в контексте изменения границ в Средней Европе (Коложвар — Клуж — Сегед) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 353–385. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Статья поступила в редакцию 06.05.2021.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 21-59-23002.

Аннотация

Примером того, как эпохальные исторические события в Центральной Европе сказались на судьбе элитного учебного заведения, может послужить судьба второго венгерского университета, основанного в 1872 г. в главном городе Трансильвании Коложваре. Этот университет был вынужден покинуть Трансильванию вследствие ее воссоединения с Румынским королевством в декабре 1918 г. по итогам Первой мировой войны. В построенные в эпоху австро-венгерского дуализма университетские корпуса теперь уже не Коложвара, а города Клужа въезжает румынская профессура из «Старого королевства», перед которой была поставлена новыми властями задача — содействовать интеграции края в Румынию. Венгерский университет переселяется в пределы новых границ Венгрии, в г. Сегед. Создание в этом городе мощного центра элитарной венгерской культуры стало одним из существенных направлений культурной политики консервативного режима, видевшего в превращении Венгрии в бастион высокой европейской культуры в преддверии Балкан

один из способов компенсации того огромного национального ущемления, каким явился для миллионов венгров Трианонский мирный договор 1920 г.

Переселение в Сегед, однако, отнюдь не поставило точки в истории венгерского университета Трансильвании. После второго венского арбитража о передаче Венгрии Северной Трансильвании (август 1940 г.) венгерский университет в Клуже был восстановлен, а румынский переселился в пределы сузившихся границ Румынии. В послевоенной Румынии при левых властях, а затем и коммунистическом режиме, не заинтересованном в обострении венгерско-румынских противоречий, в Клуже на протяжении полутора десятилетий функционировали рядом румынский и венгерский университеты, пока в 1959 г., в условиях подъема румынского национализма, самостоятельный венгерский университет не был ликвидирован.

Ключевые слова

Трансильвания, Клуж, Клужский университет, Австро-Венгрия, Великая Румыния, социалистическая Румыния, Версальская система, мировые войны, передел границ в Центральной Европе.

В XX в. эпохальные исторические события (и прежде всего две мировые войны) настолько сильно «перепахивали» карту Центральной и Восточной Европы, что это не раз приводило не только к миграциям миллионов людей, но и к перемещениям государственных и культурных институций, в том числе университетов. Таких примеров было не так уж мало в отечественной истории¹. Их знала и история Габсбургской монархии, а также государств, образовавшихся или утвердившихся в новых границах на ее развалинах в 1918–1920 гг.

Особенно непростой оказалась в XX в. судьба второго венгерского университета, основанного в эпоху австро-венгерского дуализма,

¹ Если оставить за скобками эвакуацию многих вузов Москвы и Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, а обратиться только к более ранней истории, то самый хрестоматийный пример — перемещение Императорского Варшавского университета в Ростов-на-Дону в 1915 г. в условиях Первой мировой войны. В начале 1918 г., уже после взятия власти большевиками, начинается эвакуация Юрьевского университета в Воронеж с возникновением угрозы захвата г. Юрьева (до 1893 г. Дрепт, а ныне Тарту, Эстония) германской армией.

в 1872 г., в главном городе Трансильвании Коложваре (ныне Клуж-Напока, Румыния)². Это довольно элитное для Венгрии учебное заведение было перемещено по окончании Первой мировой войны в пределы нового венгерского государства с его резко сократившейся вследствие Трианонского мирного договора территорией и продолжило свою деятельность в г. Сегеде в иных условиях, вместе с тем и далее оставаясь одним из центров венгерской науки. А созданный в том же Клуже властями королевской Румынии новый университет, с преподаванием на румынском языке, сыграл и до сих пор играет существенную роль в развитии румынской культуры и науки. Богатая и многогранная история (и трехвековая предыстория) коложварского (клужского) университета неотделима от истории духовной жизни обширной области на востоке Средней Европы — Трансильвании — в течение ряда столетий и дает многочисленные примеры как взаимодействия, так и взаимоотталкивания культур разных народов, населявших край, — венгров, румын, немцев. Сильный отпечаток на судьбу университета в XX в. наложили события Второй мировой войны, сопровождавшиеся новыми изменениями границ и сопутствовавшими им перемещениями целых институций³. Предпринятое в статье обращение к истории этого учебного заведения позволяет на конкретном венгерско-румынском материале проследить, *как* могли меняться с изменением межгосударственных границ функции одного отдельно взятого университета, поставленные перед ним каждым новыми властями задачи, *как* значительные геополитические трансформации вели к искусственному разрыву сложившихся традиций в развитии науки и образования и *как* попытки (подчас довольно успешные) восстановления нарушенной преемственности, возрождения утраченного потенциала происходили на новом месте, в иных исторических условиях.

Первый университет на землях исторической Венгрии был основан при правлении Анжуйской династии еще в XIV в., в 1367 г., в

2 В дальнейшем мы, и это оправданно в конкретно-историческом плане, используем то название города, которое было официальным в тот исторический момент, о котором идет речь: Коложвар при венгерских властях, Клуж при румынских. Немецкое название города Клаузенбург (тоже в некоторые периоды истории официальное) используется, если речь заходит о германизаторских видах и планах венского двора.

3 В литературе по истории клужского университета выделяется обобщающее издание: Istoria Universităţii “Babeş-Bolyai” / ed. O. Ghitta. Cluj-Napoca, 2012.

г. Печ и просуществовал несколько десятилетий. В 1635 г. университет возник в г. Надьсомбат (ныне Трнава, Словакия) при поддержке венского двора, став важным центром католической контрреформации. В 1770-е гг., в эпоху «просвещенного абсолютизма» Марии Терезии и Иосифа II, университет переместился сначала в Буду, а вскоре в Пешт и оставался единственным университетом на венгерских «коронных землях» вплоть до эпохи австро-венгерского дуализма. С заключением в 1867 г. соглашения дома Габсбургов с лидерами венгерского национального движения о преобразовании Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию актуализировались задачи государственного и культурного строительства в венгерской половине двуединой державы. В силу этого сразу ставилась в повестку дня задача создания второго венгерского университета, причем именно в Трансильвании, которую нужно было интегрировать в создаваемое венгерское унитарное государство, — задача эта являлась непростой, учитывая трехвековые и богатые традиции трансильванской государственности⁴. Университету предстояло стать важным инструментом такой интеграции, ведь в его цели входило формирование управленческого слоя и новых поколений венгерской интеллигенции Трансильвании. Местом создания университета был избран, и совсем не случайно, Коложвар, важнейший центр высокой венгерской культуры Трансильвании, где уже в эпоху позднего Средневековья образуются элитные учебные заведения, связанные с католическими и реформатскими церковными кругами. Университет создавался на базе ранее существовавшего лицея⁵.

История университета в Коложваре восходит своими истоками к 1579–1581 гг., когда при князе Криштофе Батори (брате польского короля Стефана Батория) в городе основали иезуитский колледж со своей библиотекой. Это было учебное заведение, созданное по модели современных итальянских иезуитских колледжей; в нем преподавалась не только католическая догматика, но также философия, право, риторика, греческий язык, история, и, таким образом, его программа предусматривала подготовку как священнослужителей, так и светских

4 The History of Transylvania / ed. by I.-A. Pop, T. Năgler, A. Magyari. Cluj-Napoca, 2005–2010. Vol. I–III.

5 Идея создания университета была впервые озвучена при посещении Коложвара в 1869 г. одним из крупных деятелей и идеологов венгерского национального движения Йозефом Этвёшем, первым министром просвещения в Венгрии эпохи дуализма.

чиновников⁶. На открытии колледжа присутствовал сам князь Криштоф Батори, а в 1582 г. указом римского папы Григория XIII статус колледжа был повышен до уровня академии, он получил, в частности, право присваивать степени бакалавров, магистров и докторов. Среди профессоров имелись люди разных национальностей, получившие образование в университетах Италии, а также в Вене и Кракове. Среди тех, кто выступал здесь с лекциями, был известный деятель ордена иезуитов Антонио Поссевино (1534–1611), ректор Падуанского университета и папский легат в Восточной Европе, в 1581–1582 гг. ставший первым иезуитом, посетившим Московию, где пытался склонить Ивана Грозного к унии с католицизмом (по итогам поездки оставил записки)⁷. Посещал колледж и знаменитый польский проповедник Якуб Вуек (1541–1597), ректор Виленской академии, переводчик Библии на польский язык.

Расцвет иезуитского колледжа продолжался недолго: уже в 1586 г. занятия приостановились в связи с эпидемией чумы, а в 1588 г. деятельность иезуитского ордена была запрещена в Трансильванском княжестве, где среди правящей венгерской элиты возобладали приверженцы кальвинистской веры⁸. Тем не менее сильное влияние при трансильванском дворе польских католических придворных кругов (не только при жизни Стефана Батория, но в определенной мере и после его смерти в 1586 г.) поддерживало существование этого высшего церковного учебного заведения вплоть до 1603 г., что стало возможным в условиях редкой для второй половины XVI в. веротерпимости, существовавшей в Трансильванском княжестве благодаря определенному раскладу сил между различными группировками элиты — венгерского дворянства, секейской⁹ знати и верхушки немецкого бюргерства ряда трансильванских городов¹⁰.

6 *Pop I.-A. Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. P. 15–29.*

7 *Поссевино А. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / сост. и предисл. И. В. Курукина. М., 2005.*

8 Первые планы создания в Коложваре реформатского колледжа относятся еще к 1560-м годам: *Pop I.-A. Începuturile... P. 18.*

9 Секеи (нем.: секлеры; рум.: секуи) — отличающаяся выраженным культурным своеобразием венгероязычная этническая группа в горных районах Восточной Трансильвании.

10 Принятый в 1558 г., во времена правления Яноша II Жигмонда Запольяи, Тордайский эдикт был первым в Европе законом о веротер-

Попытка возродить в Коложваре высшее образование (не только богословское) была предпринята, уже в русле протестантизма (кальвинизма), Яношем Апацаи Череш (1625–1659), первым венгерским ученым-энциклопедистом, внесшим особенно большой вклад в развитие педагогики. Апацаи Череш, получивший образование и степень доктора теологии в Голландии (Лейдене, Утрехте), по возвращении в 1653 г. на родину сначала преподавал в Дюлафехерваре (рум.: Алба Юлия), где с 1629 г. существовал реформатский (кальвинистский) колледж, а затем возглавил реформатскую школу в Коложваре, после также преобразованную в колледж. В 1658 г. он представил трансильванскому князю Акошу Барчаи проект создания на базе этого колледжа полноценного университета по голландским образцам. План этот получил поддержку при княжеском дворе, однако так и не был реализован, в том числе из-за безвременной кончины Апацаи Череш¹¹.

Вследствие поражения османов в длительной войне, в соответствии с Карловацким миром 1699 г. Трансильвания входит в состав владений Габсбургов. Мощное антигабсбургское движение князя Ференца II Ракоци (1703–1711), хотя и завершилось поражением его войска (так называемых куруцев), обеспечило сохранение по Сатмарскому миру 1711 г. сословных прав венгерского дворянства. Тем не менее возможности развития элитного образования в рамках кальвинистской церкви в последующие десятилетия сужаются. Так, значительная часть собственности коложварского реформатского колледжа была конфискована, а к началу 1730-х гг. в нем осталось всего лишь три преподавателя¹². С другой стороны, при содействии ордена иезуитов происходит оживление католического образования. Еще в 1701 г., до начала боевых действий между габсбургской армией и войском Ракоци, император Леопольд I подписывает указ о выделении из государственной казны средств на восстановление в Клаузенбурге (т. е. в Коложваре), уже контролируемом Габсбургами, иезуитского колледжа¹³. В 1753 г. это учебное заведение повышается в статусе, преобразуется в университетский академический колледж, в про-

пимости. В княжестве уравнивались в правах католики, кальвинисты, лютеране и унитарии (но не православные).

11 *Radosav D.* Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea // *Istoria Universităţii “Babeş-Bolyai”*. P. 31–41.

12 *Costea I.* Învăţământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea // *Istoria Universităţii “Babeş-Bolyai”*. P. 45.

13 *Ibid.* P. 47.

грамме которого все больший удельный вес приобретает преподавание светских дисциплин (в том числе права, истории, философии), а на рубеже 1770–1780-х гг. возникают естественнонаучные кафедры, включая медицинские. В 1750–1760-е гг. для колледжа возводится новое здание, а в 1787 г. декретом просвещенного монарха Иосифа II он получает высокий статус королевского академического лицея (*Lycеum Regium Academicum*), находившегося в ведении ордена пиаристов¹⁴. При лицее существовала богатая библиотека, формировавшаяся в течение всего XVIII в. и впоследствии послужившая основой клужской университетской библиотеки¹⁵. В ней были представлены книги на разных языках, причем пропорции менялись от преобладания книг на латыни к преобладанию книг на немецком и венгерском языках. С 1727 г. при учебном заведении функционировала лучшая в Трансильвании типография, в 1773 г. перешедшая в ведение имперских властей (трансильванского Губерниума). Среди опубликованных ею в XVIII в. книг были и учебные пособия, не только по гуманитарным наукам, но также по математике, минералогии. Большое значение имело создание в структуре лицея уже в эпоху просвещенного абсолютизма императора Иосифа II юридического и медицинского факультетов, что по сути стало первым шагом к преобразованию его в учебное заведение университетского типа. Среди преподавателей были представлены как немцы, так и венгры, а в качестве доминирующего языка обучения в условиях германизаторской политики Иосифа II утверждается немецкий, вытеснив на вторые роли латынь. Среди студентов преобладали венгры и трансильванские немцы, но в разные десятилетия с лицеем оказывались связаны и румыны, в том числе оставившие заметный след в национальной истории и культуре, — униатские епископы И. Мику-Клейн, П. П. Арон, А. Редник, Г. Майор, И. Лемени, православный епископ В. Мога, один из видных представителей «трансильванской» (латинизаторской) школы в румынской филологии и историографии Г. Шинкай, педагог Г. Лазэр¹⁶. Возникновение с конца XVIII в. трансильванской школы в румынском гуманитарном

14 Орден иезуитов был упразднен Ватиканом в 1773 г. и восстановлен в 1814 г.

15 *Costea I. Învățământul academic la Cluj... P. 49.*

16 Вместе с тем некоторые виднейшие деятели румынского национального движения и культуры учились в Пештском университете. Среди них многолетний глава румынской православной церкви Трансильвании епископ Андрей Шагуна.

знании стало знаком эволюции духовной культуры румын Габсбургской монархии к некоему новому качеству: испытывая многообразные западные культурные влияния, она все более ориентировалась на расширение связей с латинским миром, осознание культурно-языкового родства румын с другими романоязычными народами.

С принятием в 1780-е гг. в Габсбургской монархии законов о веротерпимости создаются более благоприятные условия для развития школ под эгидой всех церквей, относившихся к «терпимым». В первой половине XIX в. в Коложваре существовали и успешно развивались высшие и элитные средние учебные заведения (лицеи, колледжи), связанные с тремя конфессиями (католической, реформатской и унитарной). Среди получивших образование в клужских учебных заведениях были и румыны греко-католического и православного исповедания, глубоко восприимчивые к национальным ценностям и способствовавшие их утверждению в общенациональном масштабе. Как комментировал в сентябре 1903 г. в одной из своих депеш вклад некоторых из них в развитие румынской национальной культуры тогдашний посланник Российской империи в Бухаресте М. Н. Гирс, в 1830-е гг., «когда в княжествах Молдавии и Валахии стали пробуждаться стремления к чисто национальной румынской культуре», их правители, не имея возможности бороться против чуждых, инонациональных влияний исключительно местными силами, «стали обращаться к содействию закарпатских (т. е. трансильванских. — А. С.) румын, выписывая из их среды наставников и руководителей для гражданских и духовных учебных заведений княжеств». Со временем к этому «более умственному воздействию» присоединилось «и некоторое политическое влияние» в национальном духе¹⁷.

В период венгерской революции 1848 г. витала в воздухе идея создания в Коложваре на базе уже существующих учебных заведений (и прежде всего пиаристского лицея) полноценного университета. Вопрос этот обсуждался в созванном трансильванском государственном собрании, где доминировало венгерское дворянство, в качестве главного языка обучения предполагался венгерский. К этому времени, однако, в крае активизировалось и румынское национальное движение, наряду с православной и униатской церквами его движущие силы составляли формирующаяся национально ориентированная светская интеллигенция и средние слои ряда трансильванских городов. На ру-

17 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 671. Л. 266–267.

мынском национальном собрании в Блаже был поставлен вопрос о создании в Трансильвании университета с преподаванием на румынском языке, однако отсутствие должной материальной базы и недостаток кадров по многим дисциплинам делали эту идею мертворожденной¹⁸. В 1860-е гг., когда эпоха жесткого неоабсолютизма, последовавшая за подавлением венгерской революции, сменилась временем расширения демократических свобод и ограниченных конституционных экспериментов, возникают и новые проекты создания высших учебных заведений. На этот период приходится заметное оживление не только венгерской, но и румынской культуры в крае, в 1861 г. было основано культурное общество ASTRA (*Asociația Transilvănească pentru Literatură Română și Cultura Poporului Român*) с отделениями во всех трансильванских городах. Однако в системе среднего и высшего образования гораздо больше возможностей для реализации получили проекты, поддержанные политически и экономически более сильной венгерской знатью. Так, в 1863 г. в Коложваре была основана юридическая академия с 4-годовалным курсом обучения преимущественно на венгерском (а не на немецком) языке, прежде всего для подготовки квалифицированной бюрократии для комитатской системы управления. Ежегодный набор в нее составлял около 200 человек — очень внушительная по меркам тогдашней Трансильвании цифра. В 1872 г., с созданием университета, академия интегрировалась в него в качестве юридического факультета.

В Коложваре сразу был создан полноценный университет, в его составе имелось 4 факультета — юридический; философский (по сути гуманитарный, где преподавали также историки и филологи); математики и естественных наук; медицинский¹⁹. Общее количество студентов первого набора в 1872 г. составило всего 258 человек, но с каждым годом увеличивалось. Университету передали здания Губерниума и других административных органов, которые прекратили существование с ликвидацией автономии Трансильвании и ее интеграцией в унитарное венгерское государство. В конце XIX — начале XX вв. по проектам ведущих архитекторов Венгрии возводятся около 10 новых университетских корпусов, включая библиотечный, а также ряд клиник.

18 *Pál J. Perioda 1800–1872 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. P. 64.*

19 Высшие учебные заведения теологического профиля разных конфессий существовали в Клуже в эпоху дуализма отдельно, они не были включены в структуру университета.

Это был с самого начала университет с абсолютной доминанцией венгерского языка в учебном процессе в силу той значимости, которую придавали будапештские власти подготовке чиновников, юристов, педагогов и других профессиональных кадров, способных внести свой вклад в модернизацию Трансильвании в составе унитарной Венгрии. Среди студентов явно преобладали венгры. Так, из 40 тыс. человек, учившихся в коложварском университете в 1872–1919 гг., было всего 2635 румын²⁰. При этом наблюдалась тенденция к постепенному увеличению количества студентов-румын — с 8–10% в 1870-е гг. (на 80% венгров) до 18% в 1912 г.²¹ В этом находило отражение изменение социальной структуры, ускорившееся формирование в румынской среде Трансильвании слоя интеллигенции, предпринимателей, лиц свободных профессий (в том числе адвокатов и журналистов). Большинство студентов-румын училось на юридическом и медицинском факультетах.

Соглашение 1867 г. дома Габсбургов с венгерской элитой о трансформации Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию нанесло довольно сильный удар по румынскому национальному движению Трансильвании именно в тот момент, когда оно находилось на подъеме и в условиях оживления культурной и общественно-политической жизни в румынской среде проявлялась потребность в формировании не только элиты, но и просто квалифицированных национальных кадров для работы на местном (комитатском, городском и сельском) уровне. Созданный коложварский университет с венгерской доминанцией никак не мог стать «своим домом» для румын, живших собственными национальными чаяниями, тем не менее определенные усилия ради улучшения положения предпринимались. Уже в 1872 г. в университете была образована кафедра румынской филологии. Возглавил ее теолог и филолог Г. Силаши (позже член Румынской академии), не воспрепятствовавший тому, чтобы кафедра стала в 1880-е гг. объектом притяжения для учившихся в универ-

20 *Csucsujá I. Universitatea “Ferenc József” între anii 1872–1919 // Istoria Universității “Babeş-Bolyai”*. P. 126.

21 *Ibid.* P. 122–123. Согласно переписи населения 1910 г., в Трансильвании и на смежных с ней территориях тогдашней Венгрии, отошедших к Румынии по Трианонскому мирному договору 1920 г., румыны составляли 53–55%, а венгры примерно 32% населения. См.: *Varga E. Á. Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében // A Magyarországtudató Intézet évkönyvé. 1988. Budapest, 1988. 37–65 old.*

ситете, на его разных факультетах, этнических румын. Это вызвало недовольство венгерских властей, вынудивших Силаши уйти из университета. Сменивший его в 1886 г. более лояльный правительству Г. Молдован не допускал внеклассной общественной активности, в силу этого он дважды избирался деканом философского факультета и в течение короткого времени был даже ректором, что, однако, ни в коей мере не подрывало монопольного положения венгерского языка в университете. С новой активизацией в 1890-е гг. в крае румынского национального движения власти все более энергично ставили препоны для формирования в стенах университета национально ориентированного румынского сообщества.

Политика масштабной мадьяризации в системе образования Трансильвании²² проявилась в создании в коложварском университете среды, неблагоприятной для объединения румынской интеллигенции на национальной почве. Показательно, что среди видных деятелей румынского национального движения в крае и — шире — выходцев из Трансильвании, оставивших заметный след в румынской истории и культуре, в рассматриваемый период лишь немногие были связаны с этим университетом. Такие значимые и очень разные в политическом плане фигуры, чья деятельность, особенно после 1918 г., возымела общенациональное значение, как Ю. Маниу, А. Вайда-Воевод, О. Гога, П. Гроза и др., получили законченное высшее образование не в Коложваре, а в Будапештском университете, а также в Вене и в германских университетах²³. Учиться в университетах Германии предпочитали посылать своих детей и представители элиты и даже средних слоев трансильванских немцев (саксов), относившихся преимущественно

22 Эта политика проявлялась в эпоху дуализма на всех уровнях системы образования. Если говорить о средней школе, то в начале XX в. из 50 трансильванских гимназий только в пяти велось обучение на румынском языке. В 1907 г. принимается известный закон *Lex Arponyi*, названный так по имени министра образования и культов А. Арпони. Он привел к переводу многих национальных школ (включая начальные) на преимущественно венгерский язык обучения, сократил государственную поддержку иноязычных школ, поставил перед их педагогами новые требования с точки зрения уровня владения венгерским языком.

23 Так, крупный политик Юлиу Маниу (1873–1953), уже в конце эпохи дуализма выдвинувшийся на роль одного из лидеров румынского национального движения Трансильвании, в молодости, в 1890-е гг., отправился учиться в Будапешт после не слишком продолжительного пребывания в коложварском университете.

к лютеранскому вероисповеданию (в отличие от немцев-католиков Баната, в культурном плане более ориентированных на Вену).

В противоположность трансильванским немцам, образованные румыны, в том числе учившиеся в Коложваре, все более связывали свою деятельность отнюдь не с улучшением и совершенствованием системы дуализма, а с ее радикальным пересмотром с учетом интересов румын, а в более отдаленной перспективе — с национальным объединением. Как комментировал в 1903 г. ситуацию посланник Российской империи в Бухаресте М. Н. Гирс, с образованием Австро-Венгрии по мере «усиленной мадьяризации земель, подпавших исключительной власти венгерской короны, многие из закарпатских румын, не мирившихся с тяжелым венгерским ярмом, переходили в придунайские княжества и находили в них подходящую для себя деятельность, как на государственном, так и на общественном поприще», только подогревая тем самым «национальные чувства в самом Румынском королевстве». При этом «они, конечно, не прерывали связей со своими сородичами, оставшимися в венгерских пределах», и через них Королевство Румыния, благодаря своей независимости, «само уже оказывает на родные ей провинции, находящиеся еще под венгерским гнетом, то влияние, которое прежде воспринимало от них»²⁴.

Между тем на рубеж XIX–XX вв., хотя и без существенного участия численно доминирующей в крае румынской народности, но все же пришелся несомненный подъем в развитии коложварского университета, получившего имя живущего императора Франца Иосифа, дважды посетившего это учебное заведение (в 1887 и в 1895 гг.). Здесь формируются венгерские научные школы в целом ряде областей как естественных, точных, так и гуманитарных наук, включая даже некоторые направления востоковедения²⁵. Их основоположниками были профессора, получившие образование, главным образом, в лучших германских университетах. Что касается гуманитарных дисциплин,

24 По оценке посланника, «ни одна из политических партий молодого королевства не пренебрегает этим влиянием. Каждая из них настойчиво работает над его усилением, имея <...> конечной целью подготовить почву к воссоединению этих провинций с Румынией» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 671. Л. 268–269).

25 По естественным и точным наукам см. подробный обзор: *Csucsuja I. Universitatea "Ferenc József" între anii 1872–1919*. Международную известность получили труды математиков Ф. Риеса, Л. Фейера, биолога И. Апати, некоторых физиков, геологов и т. д.

здесь развивалась такая новая для рубежа веков наука, как социология, в духе позитивизма и эволюционизма Г. Спенсера. Работали авторитетные профессора, имевшие большое влияние на либеральную интеллигенцию в масштабе всей Венгрии. Наиболее ярким из них был Бодог Шомло, близкий к кругу Оскара Яси, уроженца Трансильвании, виднейшего венгерского леволиберального мыслителя и политика, а впоследствии основателя американской школы австро-венгерских исследований²⁶. Именно под руководством Б. Шомло в октябре 1906 г. защитил в Коложваре диссертацию по юридическим наукам молодой Дьердь Лукач, впоследствии один из крупнейших философов-марксистов XX в.²⁷ Значение Коложвара как центра венгерской науки и культуры в немалой мере обуславливалось тем, что вплоть до начала 1910-х гг. он оставался единственным кроме Будапешта университетским городом в Королевстве Венгрия, составлявшем одну из двух системообразующих составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии. Только незадолго до Первой мировой войны, в 1912 г., были созданы, не успев в мирное время получить полноценное развитие, еще два университета — в Дебрецене и в Пожони (ныне Братислава; с изменением границ Венгрии этот университет переместился в начале 1920-х гг. в г. Печ). Начало войны внесло существенные перемены в университетскую жизнь. С призывом в армию основной массы студентов и части преподавательского состава учебный процесс приостанавливается. Университетские клиники — лучшие в Трансильвании — переходят в распоряжение действующей армии. Некоторые из молодых интеллектуалов, оставивших след в истории университета, не вернулись с фронта. Так, многообещающий философ Бела Залаи из круга Д. Лукача (предвосхитивший ряд положений общей теории систем), оказавшись в русском плену, скончался в 1915 г. от тифа в омском госпитале.

Поражение Германии и ее союзников в Первой мировой войне приводит к распаду как монархии Габсбургов в целом, так и исторической Венгрии. 1 декабря 1918 г. Великое национальное собрание румын, созданное в г. Алба Юлии, провозгласило воссоединение Трансильвании с королевской Румынией, что нашло международно-правовое закрепление в Трианонском договоре 1920 г. Город Коложвар 24 декабря 1918 г. оказался под румынской властью, получив официальное название Клуж. С переходом края под румынскую юрисдикцию университет подлежал коренной реорганизации, что означало с

26 Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

27 См.: *Bendl J. Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig.* Budapest, 1994.

возобновлением его полноценной деятельности перевод преподавания на румынский язык, а следовательно оставляло по сути вне стен этого учебного заведения как венгерский профессорско-преподавательский состав, так и тех молодых венгров, которые рассчитывали на поступление в университет либо возвращение с окончанием войны к занятиям на родном языке. Для подготовки создания в Клуже румынского университета в город уже в 1919 г. прибывают полномочные представители румынского королевского правительства, прорабатывается проект организации учебного заведения²⁸, начинается комплектация будущего профессорско-преподавательского состава, в немалой мере из лиц, изъявивших желание переселиться в Трансильванию из так называемого «Старого королевства» (т. е. Румынии в ее довоенных границах). С подписанием 4 июня 1920 г. Трианонского договора, перечеркнувшего все надежды на сохранение края за Венгрией, начинается отток прежней коложварской профессуры в сузившиеся пределы нового венгерского государства, он принял довольно организованный характер ввиду санкционированного будапештским правительством решения возобновить деятельность бывшего коложварского университета в г. Сегеде. До подписания «Трианона» мало кто из венгров мог предположить, что территория венгерского государства сократится более чем втрое и почти 3 млн этнических венгров окажутся подданными соседних государств либо лицами без гражданства. С тем большим драматизмом было воспринято случившееся. Для многих профессоров утрата Трансильвании, которую привычно воспринимали как одну из исконных венгерских земель, стала личной трагедией. Это касалось не только консервативной, но и либеральной профессуры, до 1914 г. много делавшей для поступательного развития страны по пути прогресса и критически относившейся к политике официального Будапешта по дискриминации национальных меньшинств. В 1920 г. покончил жизнь самоубийством Б. Шомло, один из основателей венгерской научной социологии. На новом месте, в Сегеде, университет возобновляет учебный процесс 9 октября 1921 г., в последующие годы начинается закладка для него новых корпусов, субсидированию этого проекта правительством придавалось приоритетное значение²⁹.

28 Одним из разработчиков концепции был видный румынский историк В. Пырван.

29 Во главе венгерских правительств в этот период стояли два выходца из трансильванской венгерской аристократии, связанные с этим краем тесными узами, — граф Пал Телеки (европейски известный уче-

Торжественное открытие румынского университета состоялось раньше, уже в 1920 г., в присутствии короля Фердинанда (чьим именем после его смерти в 1927 г. будет назван университет), и это лучше всего свидетельствует о том, сколь большое общегосударственное значение придавалось бухарестскими властями скорейшему созданию в Трансильвании элитного высшего образования на румынском языке, способного стать достаточно эффективным противовесом традиционной венгерской культурной доминации в крае и в то же время кузницей румынских национально ориентированных и при этом высокообразованных кадров. Процесс создания кафедр и формирования профессорско-преподавательского состава растянулся на несколько лет³⁰. В построенные на рубеже веков университетские корпуса теперь уже не венгерского Коложвара, а города Клужа въезжает румынская профессура из «Старого королевства», перед которой была поставлена бухарестскими властями важнейшая стратегическая задача — содействовать всеми усилиями румынизации высокой культуры Трансильвании в интересах интеграции в румынское государство этого обширного и экономически самого развитого по меркам Румынии края³¹. Ряд

ный-географ) и сменивший его выдающийся консервативный политик хортистской эпохи граф Иштван Бетлен, принадлежавший к роду трансильванских князей XVII в.

30 В связи с явной нехваткой в самой Трансильвании достаточного количества высокообразованных ученых, способных составить костяк румынской профессуры, выдающийся историк Н. Йорга предлагал не форсировать вытеснение венгерского языка (и соответственно венгерской профессуры) во избежание упадка науки, считал возможным довольно длительное сосуществование преподавания на двух языках. На практике, однако, получилось иначе. Сыграло роль и то, что почти никто из преподавателей-венгров не подчинился требованиям новых властей присягнуть на верность румынскому государству.

31 С образованием Великой Румынии с ее резко расширившимися границами к двум существующим университетам (в Бухаресте и Яссах) прибавились еще два университета на территориях, перешедших к Румынии от распавшейся Габсбургской монархии (в Клуже и Черновицах). Применительно к этим двум последним речь шла о переводе на румынские национальные рельсы венгерского (в Трансильвании) и немецкого (в Буковине) университетов с использованием уже сформированной институциональной базы (учебных корпусов, библиотек, клиник). Каждый из 4 университетов, согласно принятой концепции, должен был иметь не только региональное, но и общенациональное значение.

румынских ученых, работавших во Франции (в их числе европейски известный спелеолог Э. Раковицэ), откликнулся на предложение переехать в Клуж, где для их полноценной научной деятельности при государственной поддержке создавались хорошие условия.

Хотя венгерская профессура за единичными исключениями покинула университет, в чем проявился очевидный разрыв с предшествующей научно-образовательной традицией, нет оснований говорить об упадке науки в Клуже в межвоенное десятилетие. Продолжалось строительство новых корпусов университета, клиник, была основана астрономическая обсерватория, гордостью университета и всего города стал заложенный именно в этот период ботанический сад, тесно связанный с ботаническим институтом при университете. Из естественных наук получают особое развитие биологические, а также науки о Земле. Исследования в области геологии, спелеологии, физической географии составляют фундамент предпринятого румынскими учеными комплексного изучения горной системы Карпат. В международных связях университета акцент в сравнении с довоенным временем со всей очевидностью переносится с немецких на французские. Из представителей научной элиты Франции особый вклад в развитие клужского университета внес его почетный доктор Эммануэль де Мартонн, всемирно известный географ, с 1938 г. председатель и почетный председатель Международного географического союза, в круг научных интересов которого неизменно входили физическая география и климатология Карпатского региона³². С университетом поддерживал связи и Роберт Сетон-Уотсон, крупный британский эксперт-международник, историк, специалист по проблемам Центральной и Юго-Восточной Европы, в будущем глава Королевского исторического общества Великобритании. Он также был избран почетным доктором клужского университета. Представители клужской профессуры, особенно гуманитарной, входили не

32 Своей последовательно прорумынской позицией в качестве эксперта-географа при определении на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. новых венгерско-румынских границ Мартонн завоевал особое доверие румынской политической элиты и вместе с тем недоверие венгерской, дав основания для критики своего подхода, при проведении границ придававшего этническому составу населения меньшее значение в сравнении с экономическими, транспортными аргументами. См.: *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: факты, легенды, домыслы. М.; СПб., 2020. С. 84–86.

только в академическую, но и в политическую элиту Румынии (историк А. Лапедату стал президентом Румынской академии и председателем сената Румынии, историк С. Драгомир занимал в 1930-е годы министерский пост). Если в первом поколении клужской румынской профессуры имелось не так уж мало выходцев из «Старого королевства», не сильно укорененных в специфических трансильванских культурных традициях, то в следующих поколениях возобладали уже коренные трансильванцы, тонко чувствовавшие региональную специфику этого поликультурного края, что находило проявление и в выборе тематики научных исследований. С другой стороны, на функционировании университета сказывались те политические зигзаги, которыми сопровождалось развитие межвоенной Великой Румынии. Так, в конце 1930-х гг. университет не обошло стороной усиление крайне правых тенденций во внутривнутриполитической жизни страны (преследования евреев, покушения на жизнь либерально настроенных профессоров).

Что касается переселившегося в пределы трианонских границ венгерского университета, то создание в г. Сегеде, на берегах Тисы, в преддверии Балкан, мощного центра элитарной венгерской культуры и науки стало одним из существенных направлений культурной политики правительства графа И. Бетлена с его бессменным министром культуры графом К. Клебельсбергом. Программа культурной политики режима, в немалой мере осуществленная в условиях экономической консолидации середины — второй половины 1920-х гг., была направлена на формирование в стране мощной инфраструктуры отвечающих современным европейским стандартам элитарных культурных институций (университетов, научных лабораторий, библиотек, музеев и т. д.). Превращение Венгрии в главный «бастион» высокой европейской культуры в Дунайско-Карпатском регионе было призвано стать в глазах миллионов венгров хотя бы частичной компенсацией того огромного ущемления национального достоинства, каким явился для них Трианонский договор. По политико-идеологическим мотивам большое внимание в программе Клебельсберга уделялось культурному строительству в Сегеде: этот город, на который в 1919 г. так и не смогла распространить свою власть Венгерская советская республика и где, напротив, функционировало альтернативное контрреволюционное правительство с участием будущего регента адмирала Хорти в качестве министра обороны, рассматривался консервативной идеологией режима как центр исконно венгерской национальной духовности, не подавляемой чуждым разрушительным веянием. При этом

сегедский университет предполагалось сделать одним из главных средоточий не только гуманитарных, но также точных и естественных наук в Венгрии — ради этого правоавторитарный режим не жалел финансовых вливаний. На прежнем международном уровне вела научную деятельность кафедра высшей математики, развивая традиции, заложенные в Коложваре эпохи дуализма (как и некоторые другие кафедры). А в 1928 г. Клебельсберг, заслышав об успехах в Кембридже 35-летнего венгерского биохимика Альберта Сент-Дёрди, направил ему персональное приглашение возглавить создаваемый институт биохимии в сегедском университете.

Сент-Дёрди воспользовался этим предложением, правда, с некоторой задержкой, вернувшись на родину в 1930 г. Хотя мировой экономический кризис нанес сильнейший удар по Венгрии, заставив свернуть ряд не успевших воплотиться проектов Клебельсберга в области элитного культурного строительства, поддержка фонда Рокфеллера позволила венгерскому биохимику продолжить научные исследования в Сегеде на столь же высоком, «кембриджском» уровне. Человек леволиберальных убеждений, Сент-Дёрди никогда не скрывал своего презрения к глубоко консервативному истеблишменту хортистской Венгрии, сами манеры и стиль его поведения в высшем венгерском обществе тех лет были до некоторой степени вызывающими и фрондёрскими³³. Тем не менее в 1935 г., учитывая международную известность работ Сент-Дёрди, его скрепя сердце избрали членом Венгерской академии наук, продолжавшей оставаться одним из оплотов консерватизма. А в октябре 1937 г. в Швеции было объявлено о присуждении сегедскому биохимику Нобелевской премии по биологии и медицине. В венгерском (особенно интеллигентном) обществе, переживавшем тяжелейший посттрианонский синдром, с трудом осваивавшемся в непривычно узких новых границах страны и очень мало избалованном знаками благорасположения со стороны Запада, это восприняли как пусть и ограниченный по своему масштабу, но все-таки настоящий национальный триумф. Хотя явно леволиберальные убеждения Сент-Дёрди были в хортистской Венгрии не очень уместны, вызывая сильнейшее раздражение в высших политических кругах страны, где начиная с 1932 г. усилилось влияние правых радикалов на власть, его как единственного в Венгрии лауреата престижнейшей в мире премии ввели в 1939 г. в высшую палату парламента³⁴. Еще в середине 1930-х гг.

33 См. воспоминания о нем: In Memoriam Albert Szent-Györgyi. Szeged, 1987.

34 Власти сделали это отчасти в стремлении заручиться более широкой поддержкой венгерской интеллигенции, недовольной продолжающим-

Сент-Дёрди впервые побывал в СССР, а после Второй мировой войны его советские связи возымели продолжение. В начале лета 1945 г. он присутствовал в составе венгерской делегации в качестве гостя на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 220-летию Российской академии наук, а в общей сложности провел в Советском Союзе более 2 месяцев, посетив многие научные учреждения Москвы и Ленинграда. По возвращении на родину он предложил положить советский опыт в основу реформ институциональной системы венгерской науки³⁵, что вызвало в Венгрии дискуссии, но в конечном итоге все же было реализовано начиная с 1949 г. уже коммунистическим режимом Ракоши и сопровождалось вытеснением «идейно чуждых» венгерских гуманитариев. Сент-Дёрди к этому уже не имел никакого отношения, поскольку в 1947 г. он принял приглашение возглавить лабораторию в одном из американских университетов, где для его научной работы были созданы более благоприятные условия, нежели могла себе позволить полуразрушенная в результате Второй мировой войны Венгрия. Пройдя как человек политически слишком левый полосу преследований в годы маккартизма, он адаптировался со временем к американской университетской жизни и работал в США вплоть до кончины в 1981 г. В эпоху Кадара он возобновил связи с венгерской наукой и дважды побывал в Венгрии. Сент-Дёрди поддерживал регулярные контакты и с советскими учеными, в частности академиком В.А. Энгельгардтом, с которым сблизился во время своего длительного пребывания в СССР в 1945 г.

Переселение в 1921 г. в Сегед, однако, отнюдь не поставило точки в истории венгерского университета Трансильвании. Хортистская Венгрия ожидала благоприятной внешнеполитической конъюнктуры для предъявления реваншистских претензий на этот край и дождалась своего. Осенью 1940 г., через считанные недели после второго венского арбитража о пере-

ся дрейфом Венгрии к открытому фашизму, а с другой стороны, это стало жестом, адресованным западным демократиям, между которыми и Третьим рейхом приходилось вплоть до весны 1941 г. балансировать хортистской Венгрии. Именно желанием придать чуть больше блеска своей совсем потускневшей витрине в глазах либерального Запада было мотивировано и назначение Сент-Дёрди в 1940 г. ректором сегедского университета.

35 См. подробно: *Стыкалин А. С.* «Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление». К истории поездки в СССР в 1945 г. венгерского нобелевского лауреата Альберта Сент-Дёрди // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории.* Ставрополь; Капошвар; М., 2018. Вып. III. С. 148–181.

даче под юрисдикцию Будапешта Северной Трансильвании (30 августа 1940 г.), правительством было принято решение о восстановлении венгероязычного университета в оказавшемся вновь в составе Венгрии Коложваре. Торжественное открытие состоялось 24 октября. В Трансильванию переехала часть сегедской профессуры, хотя и в Сегеде университет (с Сент-Дёрди в качестве ректора) продолжал функционировать. Иными словами, осенью 1940 г. сегедский университет по сути разделился надвое³⁶. Что же касается румынского университета, то вследствие утраты Румынией Северной Трансильвании он был вынужден той же осенью 1940 г. эвакуироваться на территории, над которыми сохранялась румынская юрисдикция, — в г. Сибиу (традиционно важный культурный центр Южной Трансильвании) и в главный город Баната Тимишоару.

О высоком уровне преподавания в воссозданном в Трансильвании венгерском университете говорит тот факт, что не менее 10 его профессоров являлись действующими или стали впоследствии членами Венгерской академии наук по разным дисциплинам³⁷. Это сразу позволило наладить выпуск университетских периодических изданий по целому ряду наук, при государственной поддержке возник также связанный с университетом комплексный научно-исследовательский институт по изучению Трансильвании. Среди его руководителей был Иштван Кнежа, известный филолог-славист, возглавивший в 1940 г. в Коложваре кафедру славянской филологии. После Второй мировой войны, работая в Будапештском университете, он поддерживал тесные связи с советскими коллегами.

Более половины студентов первого потока (в том числе прибывших из «трианонской» Венгрии) оказались зачислены на факультет права и

36 Венгерский университет, восстановленный осенью 1940 г. в Коложваре, ставшем административным центром территорий, вернувшихся от Румынии к Венгрии, получил прежнее название «Королевский университет Франца Иосифа», чем была подчеркнута преемственность традиций эпохи дуализма, хотя из профессоров, служивших в нем в то время, в новом преподавательском составе уже никого не осталось.

37 Часть профессоров была командирована в возрожденный венгерский университет не из Сегеда, а из Будапешта, Дебрецена, Печа, некоторые преподавательские места заняли представители венгерской интеллигенции самой Трансильвании. О функционировании университета в годы войны вплоть до прихода в Клуж советских войск осенью 1944 г. см.: *Hunyadi A. G. Universitatea regală maghiară "Ferenc József" din Cluj (1940–1944) // Istoria Universităţii "Babeş-Bolyai". P. 185–199.*

государственного управления, поскольку особо актуальной считалась задача формирования венгерского бюрократического слоя новой генерации для управления возвращенной территорией (а будапештская правая элита питала надежды на возвращение Венгрии со временем всей Трансильвании)³⁸. Оживлению экономического развития края было призвано способствовать создание экономического факультета, которого ранее в Клуже в структуре университета никогда не существовало (функционировало высшее коммерческое училище).

Введение в хортистской Венгрии еще перед войной антисемитских законов и их дальнейшее ужесточение делало фактически невозможным зачисление евреев в профессорско-преподавательский состав, а студенты-евреи подвергались нападкам крайне правых элементов. Оккупация Венгрии (в том числе Северной Трансильвании) вермахтом в марте 1944 г., вызванная опасениями ее разрыва с нацистской Германией, привела к массовым депортациям евреев. В этих условиях ряд профессоров-медиков, рискуя собственными жизнями, спасли десятки евреев, укрыв их в университетских клиниках Коложвара. В апреле 1944 г. решением крайне правых властей занятия в университете были приостановлены, попытки возобновить учебный процесс предпринимались осенью, в те недели, когда вместе с Красной армией в город вернулись представители румынской администрации, которой, однако, советская военная администрация передала реальные полномочия только в марте 1945 г., с установлением в Румынии левого правительства П. Грозы, приемлемого для СССР.

Стремление послевоенного венгерского левоцентристского правительства добиться небольшой корректировки в пользу Венгрии ее границ с Румынией не было поддержано западными союзниками, на что надеялись в Будапеште, зная о твердой позиции Москвы в вопросе о сохранении за Румынией всей Трансильвании и смежных с ней территорий (Баната, Кришаны, Марамуреша), переданных Бухаресту в соответствии с Трианонским договором 1920 г. Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил венгерско-румынские границы, установленные по «Трианону». Что касается города Клужа, расположенного в самом центре края, то уже в 1945 г. можно было предвидеть, что он окажется в составе Румынии. Это не означало, однако, выселения венгерского университета. По решению левых властей, с возвраще-

38 Количество принятых на учебу в первом семестре студентов превысило 2000 человек, что говорит о большом значении, которое правительство придавало возрождению университета.

нием румынского университета в Клуж из Сибиу и Тимишоары ему предстояло сосуществовать в одном городе с продолжавшим функционировать венгерским университетом. Хотя в первые месяцы после его возвращения возникли определенные проблемы с размещением в относительно небольшом, в то время примерно 100-тысячном городе двух университетов, вопрос уже весной 1945 г. был решен в пользу румынского университета за счет венгерского, поставленного в более тяжелые условия. Как комментировал ситуацию А. Сент-Дёрди в беседе с представителем венгерской компартии при ЦК ВКП(б) при посещении в мае 1945 г. Москвы, «в Трансильвании румынско-венгерское равноправие существует только на бумаге. Примером может служить случай с Клужским университетом. На бумаге дело обстоит так, что в Клуже должны были бы существовать два университета: румынский и венгерский. Действительное положение таково, что старый университет со всем его оборудованием был передан для целей румынского университета. Венгерскому университету передали пустое здание венгерской гимназии, где, например, медицинского факультета при теперешних условиях создать совершенно невозможно. Таким образом, — говорит Сент-Дьерди, — венгерского университета нет, зато венгерскую гимназию этим способом удалось убить»³⁹. Тем не менее вопрос с помещением решился, и венгерский университет возобновил свои занятия. Вследствие чисток были удалены профессора, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с крайне правыми партиями, на их места пришел ряд представителей трансильванской венгерской левой интеллигенции. Часть профессоров и преподавателей венгерского университета Клужа, отказавшись принять румынское гражданство, в 1945–1948 гг. выехала в Венгрию.

Румынский и венгерский университеты как два самостоятельных высших учебных заведения сосуществовали в одном городе вплоть до конца 1950-х гг. Румынский университет, прежде носивший имя короля Фердинанда, в 1947 г. был назван в честь выдающегося микробиолога румына В. Бабеша, а венгерский (в прошлом имени Франца Иосифа) получил имя уроженца Коложвара математика Я. Больяи, внесшего вклад в неевклидову геометрию. Немалую роль в сохранении венгерского университета сыграл внутривосточный фактор. Партия, защищавшая интересы венгров как национального меньшинства, Венгерский народный союз, выступала во второй половине 1940-х гг. попутчиком

³⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 35–36.

коммунистов в их противоборстве с правонационалистическими партиями, и этот альянс руководство компартии не было заинтересовано разрушать, отталкивая консолидированное венгерское сообщество Трансильвании попытками закрытия университета. Однако не меньшее значение имел и внешнеполитический фактор. В Москве не были заинтересованы ни в обострении межнациональных противоречий в странах своей сферы влияния, ни тем более в конфликтах между этими странами и прилагали усилия по предотвращению потенциальных споров. В силу этого именно советское руководство предложило в начале 1950-х гг. румынским коммунистическим лидерам создать в Восточной Трансильвании венгерскую территориальную автономию, при этом были использованы советский опыт и конкретные образцы решения национального вопроса в СССР⁴⁰. В ту же стратегию вписывалось и существование самостоятельного, хотя и небольшого венгерского университета; он функционировал не в административном центре этой автономии г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвашархей), где находился только его медицинский факультет, а в основном за ее пределами, в важнейшем культурном центре Трансильвании Клуже, и обладал весьма высоким научным потенциалом, не в последнюю очередь в области филологических и исторических наук⁴¹. Сам факт существования в Румынии венгерского университета призван был символизировать разрешенность в «народно-демократической» стране внутренних межнациональных споров, приобретая, таким образом, политико-пропагандистское звучание как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане. Между университетами Бабеша и Больяи существовала связь (ряд общих научных изданий и учебных баз).

Вместе с тем внутривнутриполитические изменения, сопутствовавшие установлению в Румынии к концу 1947 г. жесткой однопартийной коммунистической диктатуры, сопровождались ликвидацией университетской автономии, насаждением цензуры, утверждением догмати-

40 См.: *Боттони С.* Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 206–230.

41 *Lönhárt T.* Universitatea “Bolyai” din Cluj (1945–1959) // *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*. P. 231–259. За 14 лет существования университета Больяи его дипломы получили около 10 тыс. студентов разных специальностей, составивших костяк венгерской интеллигенции Трансильвании.

зированной марксизма и жесткими идеологическими чистками как в румынском, так и в венгерском университетах. Уже в 1946–1947 гг. приняли меры против вожаков студенческих волнений, проходивших под лозунгами сохранения демократических университетских традиций. В 1950 г. был арестован и через несколько месяцев умер в заключении бывший президент Румынской академии 74-летний А. Лапедату. Был арестован в 1949 г. и до 1955 г. находился в тюрьме (в г. Сигету-Мармациеи на советско-румынской границе) известный историк академик С. Драгомир, оставивший след и в истории русско-румынских гуманитарно-научных контактов (в начале 1910-х гг. он вел исследования в архивах и книгохранилищах Москвы, занимаясь церковными связями Московского царства с Румынскими княжествами в XVII в.). Та же судьба постигла известного историка И. Лупаша. Более длительное время (15 лет с 1948 по 1963 гг.) провел в заключении психолог Н. Мэргиняну, в 1930-е гг. работавший в США в качестве стипендиата Фонда Рокфеллера. Были лишены права преподавания и подвергались гонениям педагог и влиятельный общественный деятель, один из основателей и первых профессоров клужского румынского университета О. Гибу, философ и выдающийся поэт, классик румынской литературы XX в. Лучиан Блага, философ Д. Рошка, переводчик Гегеля и Кьеркегора на румынский язык (при том что в годы Второй мировой войны и Рошка, и Блага преследовались режимом Антонеску как представители духовной оппозиции крайне правой власти). Репрессии не обошли стороной и целый ряд профессоров и преподавателей венгерского университета Клужа.

Позиция румынских властей относительно венгерского университета изменилась после 1956 г. Коммунистическая элита Румынии была очень сильно напугана мощнейшим восстанием осени 1956 г. в соседней Венгрии, в ходе которого в течение нескольких дней пала вся система власти — как в центре страны, так и на местах. Опасаясь, что эти события воодушевят трансильванских венгров на проявления солидарности с восставшими соплеменниками, а оппозиционно настроенных румын подвигнут на выдвижение по венгерскому примеру далеко идущих политических (в том числе о выводе советских войск, расширении свободы печати и собраний, разрешении новых общественных организаций и т. д.) и социальных требований, власти применяют целый ряд превентивных мер, включая приостановку занятий в университетах⁴². Поводом для это-

42 *Гладышева А. С.* Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 8–14.

го послужили реально проявившиеся в университетской среде Бухареста, Клужа, других городов (и отнюдь не только среди этнических венгров) оппозиционные брожения, высказывания на студенческих собраниях мыслей о необходимости внутренней либерализации, расширения университетской автономии. Призывы к ревизии трианонских границ в дни венгерской революции вообще не звучали, а обращения к властям соседней Румынии принять меры по улучшению положения венгерского меньшинства заняли периферийное положение в обнародованных программах тех политических сил, которые проявили себя в Венгрии осени 1956 г. В Румынии в среде трансильванских венгров имели некоторое хождение идеи независимой Трансильвании, а что касается призывов присоединить край к Венгрии, иногда фигурировавших в следственных и судебных делах, то они скорее всего были просто продуктами фабрики спецслужб. Отнюдь не это определяло суть протестных выступлений в Румынии под лозунгами реформ и десталинизации. Вместе с тем в силу пережитого в первой половине XX в. исторического опыта реальная настроенность румын в отношении венгерского ирредентизма существовала. Поэтому любого рода оппозиционные проявления в самой Румынии, имевшие место под влиянием венгерских событий, были использованы властями для устрашения румынского общества угрозой великомадьярского национализма и ревизионизма. Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внося определенный раскол в молодежную среду Клужа, утихомирить (не без помощи также и превентивных арестов) студенческие брожения в главном городе Трансильвании, где в силу специфики исторической памяти острота противоречий между венграми и румынами ощущалась достаточно сильно⁴³. По-иному обстояло дело в главном городе Баната Тимишоаре, самом интернациональном городе Румынии, где в силу исторических условий, напротив, сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. Там молодежные (прежде всего студенческие) выступления солидарности с восставшей Венгрией приобрели самый массовый характер, заставив власти прибегнуть к жесткому силовому подавлению⁴⁴.

43 Даже самодетельные студенческие вечера памяти выдающихся деятелей венгерской культуры интерпретировались как опасные проявления национализма. О настроениях трансильванских венгров в свете венгерской революции и о мерах властей в целях стабилизации положения дает представление сборник документов: *Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959) / Főszerk. St. Bottoni. Csíkszereda, 2006.*

44 *Sitariu M. Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași, 2004.*

Студентами Тимишоары среди прочего было озвучено требование вывода советских войск из Румынии.

Жесткие преследования тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции⁴⁵, и — шире — всех потенциальных оппонентов коммунистической власти были призваны не только запугать недовольных, но и укрепить доверие советских лидеров, убедить их в том, что положение в Румынии стабильно, за эту страну они могут быть спокойны: здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего подобного венгерским событиям осени 1956 г. А значит, ее руководство не нуждается в мелочной кремлевской опеке, на него можно положиться в принципиальных вопросах и, следовательно, предоставить несколько больше самостоятельности в выработке курса на строительство социализма в соответствии со специфическими условиями страны. Этот фактор сыграл свою роль в принятии в 1958 г. в Москве решения о выводе советских войск из Румынии. Именно в венгерских событиях осени 1956 г. следует искать один из важнейших истоков особой линии Румынии в рамках советского блока, все сильнее проявлявшейся в 1960-е гг.⁴⁶

После 1956 г. венгерская революция была использована как повод для ужесточения внутренней политики, что затронуло и систему высшего образования. Жестоко пресекаются любые неформальные объединения как в венгерской, так и в румынской студенческой и интеллигентской среде Трансильвании. Некоторые проявления в среде студентов и преподавателей университета Больши солидарности с венгерской революцией, в определенной мере высветив настроения венгероязычного сообщества коммунистической Румынии и указав властям на неэффективность политико-идеологического контроля над ним, стали одним из стимулов такой реорганизации системы высшей школы, в которой не находилось места самостоятельному венгероязычному университету — на него в свете венгерских событий смотрели как на гнездо неблагонадежной и потенциально опасной интеллигенции. Решение о закрытии самостоятельного венгерского университета

45 Так, из университетов Румынии за проявления общественной активности было удалено около 5000 студентов, против более 1000 из них возбуждены уголовные дела. Между тем в Клуже студенческие волнения вспыхивали вплоть до января 1959 г., что приводило к новым арестам.

46 См.: *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года и начало формирования румынской национальной модели коммунизма // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 89–103.

было проведено в жизнь в 1959 г. на волне официального патриотизма, связанной с широким празднованием 100-летия объединения румынских дунайских княжеств — Молдовы и Валахии⁴⁷. Интеграция его структур в единый университет обосновывалась необходимостью преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского. Этот единый университет получил теперь двойное название — Бабеша-Больяи, чем подчеркивалось уважение к венгерским традициям. Между тем в реальности происходил процесс поглощения венгерского университета румынским, сопровождавшийся сокращением кафедр и увольнением преподавателей. Он был воспринят в среде трансильванской венгерской интеллигенции столь же драматически, как и события 1920 г. Ведущий профессор университета филолог Л. Сабеди (1907–1959) покончил жизнь самоубийством, за ним последовал и один из молодых коллег. Румынский коммунистический режим, заинтересованный в расширении своей внутренней социальной поддержки, приобретал в 1960–1970-е гг. все более ярко выраженную националистическую окраску, и хотя клужский университет продолжал оставаться одним из важнейших научно-образовательных центров Румынии, масштабы преподавания на венгерском языке в его стенах резко сокращаются. Возрождение системы высшего образования на венгерском языке в рамках единого клужского университета происходит только после падения режима Чаушеску, в 1990-е гг.

Таким образом, история университета, созданного в полиэтничной и поликультурной Трансильвании, дает нам яркие примеры влияния геополитических факторов и национально-территориальных споров на судьбы отдельных культурно-образовательных институций и связанных с ними национальных научных элит. Изменение границ вследствие войн вело не только к разрушениям сложившихся инфраструктур, но и к масштабным (иногда неоднократным) перемещениям отдельных их элементов и возрождению на новом месте традиций, прерванных в результате политических катаклизмов. Переезды целых университетов в другие города, в пределы новых государственных образований лишь подчеркивали остроту межгосударственных противо-

47 Оно вызвало негативный международный отклик, причем не только в Венгрии и на Западе. Так, ведущий польский философ-марксист А. Шафф в беседе с советским дипломатом, говоря об усилении в Румынии национализма, привел в качестве показательного примера именно закрытие венгерского университета в Клуже: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 127.

речей и углубляли разногласия между духовными элитами соседних народов, затрудняли их диалог. Система австро-венгерского дуализма, создав условия для функционирования полноценного венгерского университета в Трансильвании, вместе с тем ограничивала возможности развития румынской национальной культуры на институциональном уровне. Ситуация изменилась в пользу румынского национального сообщества лишь с переходом края под юрисдикцию королевской Румынии, но изменилась за счет вытеснения венгерских культурных, научных, интеллектуальных традиций, по которым был нанесен существенный удар. Искусственно прерванная вследствие поражения в войне традиция была, однако, возобновлена и получила развитие на новом месте, в пределах сузившихся границ Венгрии.

При всех режимах и при любой государственной принадлежности края расположенный в городе Клуже университет оставался наиболее значительным учебным заведением Трансильвании. Его сохранение и поддержание оставалось делом чести с точки зрения репрезентации на международной арене стран, в состав которых с последней трети XIX в. входила Трансильвания на различных отрезках своей истории. Кроме того, как и в Венгрии 1867–1918 гг. и 1940–1944 гг., так и в Румынии 1918–1940 гг., а также после Второй мировой войны, властями ставились перед коложварским (клубским) университетом прагматические задачи подготовки высокообразованных и национально ориентированных кадров, способных внести свой вклад в дело лучшей интеграции Трансильвании в унитарное венгерское либо румынское государство. За этой своеобразной конкуренцией стояли перипетии острых венгерско-румынских споров XX в. вокруг Трансильвании, которые не могли не сказаться на судьбе университета, заставляя не раз менять пристанища как венгерскую, так и румынскую профессуру, связанную с Клужем.

История сложных взаимоотношений двух соседних народов знала и случаи принятия компромиссных решений — при том что не все воплощенные проекты оказывались долговечными. Так, сосуществование в одном городе двух университетов в условиях становления коммунистического режима, под бдительным оком Москвы, продолжалось не более полутора десятилетий, поскольку торжество румынского национал-коммунизма вплоть до падения режима Чаушеску почти не оставляло места в новой системе высшего образования на венгерском языке.

Ситуация изменилась после 1989 г. Наличие некоторых нерешенных проблем в румынско-венгерских межэтнических отношениях в

Трансильвании не мешает нормальному функционированию университета, где преподают и проводят научные исследования под одной крышей специалисты разных национальных школ, а в августе 2011 г. удалось успешно провести международный конгресс унгарологических исследований. Сегодня в Клуж-Напоке работает крупнейший в Румынии университет во главе с президентом Румынской академии историком И.-А. Попом: подчеркивая до известной степени преемственность в том числе и венгерских университетских традиций, идущих с габсбургских времен, он является важнейшим полем непростого, но продуктивного диалога высоких культур двух соседних, живущих рядом на протяжении тысячелетия народов — венгров и румын.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года: факты, легенды, домыслы. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с. DOI: 10.31168/4469-1779-2.

Боттони С. Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 206–230.

Гладышева А. С. Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 8–14.

Поссевино А. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / сост. и предисл. И. В. Курукина. М.: Аграф, 2005. 256 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года и начало формирования румынской национальной модели коммунизма // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 89–103. DOI: 10.31857/SO13038640004841-3.

Стыкалин А. С. «Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление». К истории поездки в СССР в 1945 г. венгерского нобелевского лауреата Альберта Сент-Дёрди // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь; Капошвар; М.: Изд-во СКФУ, 2018. Вып. III. С. 148–181.

- Ясу О.* Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 610 с.
- Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959) / Főszerk. St. Bottoni. Csíkszereda: Pro-Print, 2006. 432 old.
- Bendl J.* Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig. Budapest: Scientia Humana, 1994. 242 old.
- Costea I.* Învățământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 43–57.
- Csucsujá I.* Universitatea “Ferenc József” între anii 1872–1919 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 69–126.
- The History of Transylvania / ed. by I.-A. Pop, T. Nágler, A. Magyar. Cluj-Napoca: Center for Transylvanian Studies, 2005–2010. Vol. I–III.
- Hunyadi A. G.* Universitatea regală maghiară “Ferenc József” din Cluj (1940–1944) // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 185–199.
- In Memoriam Albert Szent-Györgyi. Szeged: s.n., 1987. 410 old.
- Lönhárt T.* Universitatea “Bolyai” din Cluj (1945–1959) // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 231–259.
- Pál J.* Perioada 1800–1872 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 59–68.
- Pop I.-A.* Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 15–29.
- Radosav D.* Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 31–41.
- Sitariu M.* Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași: Polirom, 2004. 216 p.
- Varga E. Á.* Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében // A Magyarországtudató Intézet évkönyvé. 1988. Budapest: Akadémiai, 1988. 37–65 old.

References

- Ablonczy, B. *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 goda: fakty, legendy, domysly*. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriia, 2020, 168 p. DOI: 10.31168/4469-1779-2.
- Bendl, J. *Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig*. Budapest: Scientia Humana, 1994, 242 p.
- Bottoni, St. “Sozdanie Vengerskoï avtonomnoï oblasti v Rumynii (1952 g.): predposylki i posledstviia.” *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: istoricheskii opyt i sovremennoe polozhenie*, ed. by

E. P. Serapionova, Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 206–230.

Bottoni, St., editor. *Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959)*. Csíkszereda: Pro-Print, 2006, 432 p.

Costea, I. “Învățământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 43–57.

Csucsuj, I. “Universitatea ‘Ferenc József’ între anii 1872–1919.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 69–126.

Gladysheva, A. S. “Vengerskaia revoliutsiia 1956 g. i nekotorye aspekty vnutrennei politiki kommunisticheskogo rezhima v Rumynii.” *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, no. 4, 2017, pp. 8–14.

Hunyadi, A. G. “Universitatea regală maghiară ‘Ferenc József’ din Cluj (1940–1944).” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 185–199.

In Memoriam Albert Szent-Györgyi, Szeged: [s.n.], 1987, 410 p.

Jászi, O. *Raspad Gabsburgskoï monarkhii*, Moscow: Tri kvadrata, 2011, 610 p.

Lönhárt, T. “Universitatea ‘Bolyai’ din Cluj (1945–1959).” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 231–259.

Pál, J. “Perioda 1800–1872.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 59–68.

Pop, I.-A. “Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 15–29.

Pop, I.-A., Nágler, T., Magyari, A., editors. *The History of Transylvania*. Cluj-Napoca: Center for Transylvanian Studies, 2005–2010, 3 vol.

Possevino, A. *Ivan Groznyĭ i iezuity. Missiia Antonio Possevino v Moskve*. Moscow: Agraf, 2005, 256 p.

Radosav, D. “Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 31–41.

Sitariu, M. *Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956*. Iași: Polirom, 2004, 216 p.

Stykalin, A. S. “‘Mir, kotoryĭ ia zdes' vstretil, proizvel na menia ochen' glubokoe vpechatlenie’. K istorii poezdki v SSSR v 1945 g. vengerskogo nobelevskogo laureata Al’berta Sent-Děrdi.” *Rossii i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*, ed. by I. V. Kriuchkov. Iss. 3. Stavropol, Kaposvár, Moscow: SKFU Publ., 2018, pp. 148–181.

Stykalin, A. S. “Vengerskii krizis 1956 goda i nachalo formirovaniia rumynskoi natsional’noi modeli kommunizma.” *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, 2019, pp. 89–103. DOI: 10.31857/SO13038640004841-3.

Varga, E. Á. “Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében.” *A Magyarágkutató Intézet évkönyvé. 1988*, Budapest: Akadémiai, 1988, pp. 37–65.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Stykalin A. S.

**The fate of one university in the context
of changing borders in Central Europe (Kolozsvár — Cluj — Szeged)**

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The fate of one university in the context of changing borders in Central Europe (Kolozsvár — Cluj — Szeged) // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 353–385 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Received: 06.05.2021.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no 21-59-23002.

Abstract

An example of how epoch-making historical events in Central Europe affected the fate of an elite educational institution is the history of the second Hungarian university, founded in 1872 in the main city of Transylvania, Kolozsvár. This university was forced to leave Transylvania as a result of its reunification with the Kingdom of Romania in December 1918 following the First World War. Romanian professors from the “Old Kingdom” entered the university buildings built in the era of Austro-Hungarian dualism, located in the same city that changed its name from

Kolozsvár, to Cluj. They were tasked by the new authorities to facilitate the integration of the region into Romania. The Hungarian University moves within the new borders of Hungary, to the city of Szeged. The creating of this powerful center of elite Hungarian culture became one of the essential directions of the cultural policy of the conservative regime. Its representatives saw the transformation of Hungary into a bastion of high European culture on the threshold of the Balkans as one of the ways to compensate for the enormous national infringement that the Trianon Peace Treaty of 1920 was for millions of Hungarians.

The resettlement to Szeged, however, by no means put an end to the history of the Hungarian University of Transylvania. After the second Vienna arbitration for the transfer of Northern Transylvania to Hungary (August 1940), the Hungarian university in Cluj was restored, and the Romanian one moved within the narrowed borders of Romania. In the post-war Romania, under the left-wing authorities, and later the communist regime, which was not interested in aggravating the Hungarian-Romanian contradictions, both Romanian and Hungarian universities functioned in Cluj for a decade and a half, until in 1959, amid the rise of Romanian nationalism, an independent Hungarian university was closed.

Keywords

Transylvania, Cluj, University of Cluj, Austria-Hungary, Greater Romania, socialist Romania, the Versailles system, world wars, redistribution of borders in Central Europe.